

Редакция «Вечернего Котласа» всегда стремилась знакомить своих читателей с различными мнениями, пусть даже неожиданными и спорными. Поэтому сегодня вашему вниманию предлагается точка зрения, расходящаяся с традиционной оценкой жизни и деятельности нашего знаменитого земляка – Николая Герасимовича Кузнецова. Возможно, кто-то не согласится с автором, захочет возразить. Что ж, истина рождается в споре. Главное, чтобы полемика была построена не на эмоциях, а на конкретном фактическом материале.

В 2004 году Котлас широко, с размахом отметил 100-летний юбилей выдающегося земляка – адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузнецова. Но логика развития событий, связанных с этой датой, вызывает некоторое недоумение. Празднества воистину доказали, что русский человек ни в чем не знает меры. Как ранее имя адмирала целенаправленно предавалось забвению, так теперь поток неустойчивых славословий в его адрес заполнил залы высоких собраний и страницы центральной и местной прессы. Буквально на глазах создается культ личности адмирала – гениального и непогрешимого. Дошло даже до такого апофеоза пошлости, как появление тортов с портретом Н. Г. Кузнецова.

Однако теперь, когда юбилейные шумы несколько поутихли, можно в более спокойной обстановке взглянуть на фигуру Н. Г. Кузнецова и его роль в истории отечественного Военно-морского флота. Прежде всего необходимо развеять ряд мифов, сложившихся в последнее время вокруг личности адмирала и активно внедряемых в массовое сознание. Поэтому следует кратко осветить ряд моментов, малоизвестных широкому кругу населения.

Во-первых, о Н. Г. Кузнецове нам еще многое неизвестно. Засекречена значительная часть документов, не опубликованы воспоминания некоторых людей, лично знавших адмирала. Документальная база исследования его жизни и деятельности находится в стадии формирования, и полноценная научная биография Кузнецова появится не ранее чем через 50 лет. Поэтому

уже причине сложно рассуждать и о его тактических дарованиях. Более того, не вполне правомерно употреблять применительно к адмиралу закрепившийся термин «флотоводец». Николай Герасимович никогда не водил флоты в бой, и поэтому в прямом смысле слова флотоводцем не был. Следовательно, ставить его в один

три корабля, 24-го – восемь, 25-го – еще один, и так далее, так далее, так далее... В августе 1941 года только за трехдневный Таллинский переход погибло около шестидесяти советских кораблей и судов!

В-пятых, пора честно оценить роль советского флота в Великой Отечественной войне. Флот к

фигура отечественной военно-морской истории XX века. Его роль сопоставима с ролью таких организаторов и создателей военно-морской мощи страны, как Ф. М. Апраксин, Г. А. Потемкин, М. П. Лазарев. При этом Николай Герасимович был исключительно привлекательной личностью. Воплощая в себе луч-

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ, или О чём молчат биографы адмирала Кузнецова



все то, что говорится сейчас об адмирале, – отнюдь не окончательная истина. В наше время можно формулировать только предварительные выводы о его роли в истории.

Во-вторых, Н. Г. Кузнецова трудно назвать боевым адмиралом, поскольку в морских сражениях он не участвовал. По этой

ряд с такими адмиралами, как Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин или П. С. Нахимов, не совсем верно.

В-третьих, адмирал в своей деятельности допустил ряд крупных стратегических ошибок. Достаточно процитировать приказ Н. Г. Кузнецова от 17 января 1939 года: «Если враг навяжет нам войну, то флот, как и Красная армия, будет самым нападающим флотом в мире». Эти слова совершенно не соответствуют реальному развитию событий в 1941–1945 годах. Кроме того, нарком ВМФ ошибочно считал главным морским театром будущей войны Балтийский флот. До Великой Отечественной он недооценивал авианосцы, а после нее – подводные лодки.

В-четвертых, следует сказать несколько слов о приведении флота в полную боевую готовность за считанные часы до войны. Н. Г. Кузнецов сделал примерно то же, что и командующий Балтийским флотом адмирал Н. О. Эссен накануне Первой мировой, но в масштабе всей страны. Как абсолютно справедливо утверждают все биографы Н. Г. Кузнецова, благодаря этому советский флот в первый день Великой Отечественной потерял не понес.

Однако они почему-то умалчивают о том, что уже 23 июня наш флот потерял

ней готов не был. Он нес потери, даже не имея перед собой равноценных сил противника: в основном наши корабли гибли от вражеских мин и авиации. Военные действия, как правило, велись в прибрежной зоне. Знаменитые морские десанты – это величайший подвиг, но ведь флот создается в первую очередь для того, чтобы воевать в море! А наши моряки, не подготовленные к ведению боевых действий на суше, были вынуждены сражаться на берегу. В итоге остается признать, что воевали именно героические советские моряки, а не флот как единый боевой организм. В открытом море сражался только прикрывавший конвойные операции Северный флот, но он был самым слабым по составу, и основную тяжесть боевых действий на северном театре вынесли военно-морские силы Великобритании. Конечно, в неудачах нашего флота повинен не только и не столько Н. Г. Кузнецов, но по занимаемой должности он также несет свою долю ответственности за происшедшее.

Сознательно не говорю о бесспорно выдающихся достижениях Н. Г. Кузнецова: о них в юбилейный год сказано более чем достаточно, и повторяться нет смысла. Вне всякого сомнения, адмирал Кузнецов – крупнейшая

шире черты российского и советского офицера, он пользовался колоссальной популярностью и авторитетом среди военных моряков. Котлашане действительно имеют все основания гордиться таким земляком. Но это не дает нам никакого морального права создавать иконописный образ адмирала.

Таковы некоторые мысли, которые можно расценивать как попытку дать объективную оценку личности адмирала Кузнецова – человека безусловно выдающегося, но отнюдь не идеального. Нет ничего выше истины, и сократиле этой истины, пусть даже нелицеприятной, – преступление перед памятью Н. Г. Кузнецова. Вспомним слова самого Николая Герасимовича: «...серьезно, со всей ответственностью должны быть разобраны причины неудач, ошибки в первые дни войны... Эти ошибки в значительной степени на нашей совести, на совести руководителей всех степеней. И чтобы они не повторились, их следует не замалчивать, не перекладывать на души умерших, а мужественно, честно признать в них. Ибо повторение прошлого будет называться уже преступлением».

С. ГЛАДКИХ,
кандидат исторических наук,
член-корреспондент Академии
военно-исторических наук.